

— Здесь чертовски холодно, — пожаловался Сириус. — А мы застряли в богом забытой хижине. В Хогсмиде. Почему мы снова здесь? Он шлепнулся на один из разорванных диванов, растерзанный Ремусом в разгар трансформации.

Джеймс ударил его по голове. — Разве ты не рад, что мы снова увидим Гарри и Гермиону? Или, по крайней мере, Гермиону? Высокий преследователь нервно расхаживал взад-вперед, его волосы были в беспорядке, глаза метались из-под очков.

"Который сейчас час?" — спросил Питер, зевая. "Я уверен, что это безбожный час утра."

— Ты перестанешь ныть? — отрезала Аделина. — Уже почти час. И Гарри с Гермионой уже должны были вернуться. Она посмотрела на мальчиков, которые переглянулись и пожали плечами.

— Просто снимаю нервное напряжение, — пошутил Сириус, чтобы нарушить молчание.

Высокая девушка бросила на него еще один убийственный взгляд. — Тише, пожалуйста, Сириус.

Группа посидела в тишине еще несколько мгновений: Лили снова и снова накручивала прядь огненных волос на палец, Сириус беспокойно барабанил пальцами по подлокотнику кресла, Джеймс ходил взад и вперед по комнате.

Ремус, все еще бледный и осунувшийся после полной луны, еще раз сверил время и покачал головой. — Сейчас час пятнадцать. Если бы они были здесь...

— Они должны быть здесь, — закончил за него Гарри, придерживая дверь, чтобы Гермиона могла войти, прежде чем войти в полуразрушенную комнату. Оба были одеты только в простые джинсы и свитер и несли оборудование в своих сумках. На руке Гермионы висела расшитая бисером сумочка, а у Гарри был небольшой рюкзак.

"Гермиона!" — закричала Адди, подбегая к маленькой девочке и крепко обнимая ее. "Добро пожаловать обратно!"

Смеясь, Гермиона в ответ сжала девушку. — Спасибо, Аделина. Слегка покраснев, красивая девушка отступила назад, позволяя Лили тепло обнять Гермиону.

Две девушки прижались друг к другу, Гермиона утешалась непритязательной дружбой, предложенной Лили, а Лили, в свою очередь, убеждала себя, что Гермиона в безопасности и невредима.

Крик разбудил их от суматохи, происходящей между мальчиками, которые прошли стадию неуклюжих приветствий и теперь пытались выбить друг из друга живые дневные свет.

— Мальчики, — пробормотала Гермиона, качая головой. "Я получаю привет?" — спросила она фальшиво сердитым тоном.

Сириус первым отошел от Гарри. Он крепко обнял Гермиону, просто соблюдая правила приличия. — Хорошо, что ты вернулась, Гермиона.

Следующим был Джеймс, взъерошивший ее кудри и поцеловавший в щеку, за ним последовал Ремус, затем Питер. Тем временем Гарри крепко обняла мать и застенчиво обняла молодая девушка, которую он помог спасти.

Когда со всеми приветствиями было покончено, Гарри обнял Гермиону, и она наклонилась к нему, почти не замечая этого жеста. Они стали ближе за то время, что провели вместе, и хотя невербальное общение для них двоих не было неожиданностью, это было чем-то достойным комментария.

Лили смотрела на них двоих, наклонив голову и быстро глядя в зеленые глаза. "Вы сделали все, что вам нужно, чтобы сделать, сделали?" — тихо спросила она, наполовину осознавая ответ.

— Не совсем так, — поморщившись, сказала Гермиона. «Нам нужен один хоркрукс, который находится в Хогвартсе. И нам может понадобиться доступ к Тайной комнате, как для безопасного места, так и для источника яда василиска».

— Это чертовски увлекательно и все такое, — крикнул Сириус из дальнего конца комнаты, — но мы можем вернуться в замок? Я не хочу, чтобы кто-нибудь поймал нас хоть раз.

Группа согласилась, и они двинулись по узкой, тесной тропинке обратно на территорию Хогвартса. Питер был первым, так как он должен был выскользнуть в своей анимагической форме, убедиться, что рядом никого нет, а затем приостановить дерево, чтобы остальные вышли.

Обратный путь в Хогвартс прошел в тишине, за исключением нескольких бормотаний, когда кто-то спотыкался, или быстрых слов благодарности, когда протягивалась рука, чтобы перешагнуть через торчащий корень. Все прошло по плану: Питер трансформировался и с пронзительным писком заморозил Гремучую иву, чтобы позволить остальным подросткам покинуть туннель.

Быстрый бег к парадным дверям был легким, так как убывающая луна все еще давала им достаточно света, чтобы видеть. Они быстро свернулись с Картой Мародеров, нырнули за гобелен с секретным проходом и добрались до Гриффиндорской Башни, не встретив ни учителей, ни старост.

— Демонстративно, — прошипел Джеймс Полной Даме. "Проснись! Демонстративно!" Полная Дама рывком проснулась, бросив взгляд на Старосту, но все равно рванулась вперед. Они вошли в теплую уютную комнату, напугав нескольких занятых домовых эльфов. Гермиона

заметила, как они чистили пятно, предположительно от пролитой бутылки с чернилами. Она посмотрела на них, закусила губу и отвела взгляд.

Гарри заметил это и схватил ее руку, мягко сжав ее. — Они выглядят счастливыми? — мягко спросил он. — Если хочешь, можешь спросить у них, знаешь ли.

Она покачала головой. «Я знаю. Я более или менее с этим справилась. Но меня все еще немного беспокоит то, что они работают и пытаются помочь. Я знаю, что здесь с ними не обращаются плохо, но я все еще хочу им помочь». Она легко рассмеялась. «Они были бы оскорблены, если бы я предложил заклинать чернила. И в любом случае их магия лучше. Но все же...»

Аделина положила руку на плечо Гермионы. «Ты права, Гермиона. Но с домашними эльфами здесь хорошо обращаются, и им нравится следить за тем, чтобы мы жили в чистой башне».

Гермиона кивнула, затем быстро поцеловала Гарри в щеку. "Я в порядке. Не нужно волноваться, любовь моя. Она крепче сжала его руку, затем отпустила ее и направилась к входу в свои комнаты. Она пожелала всем спокойной ночи, затем назвала пароль и исчезла в гостиной. поделился с Гарри.

Гарри опустился на большой мягкий диван перед камином, глаза закрылись, а лицо стало усталым. Джеймс был тем, кто задал неуверенный вопрос.

— Гермиона в порядке? Конечно, она выглядела лучше, чем когда-либо, наконец-то здоровая и не худая. Но в ее глазах был странный взгляд, и она снова шла так, будто каждый шаг был болезненным.

Глаза Гарри распахнулись, и он медленно сел. "Да. Нет. Может быть. Немного того и другого".

— Вы двое сделали что-то, что ей не понравилось, — как обычно угадал Ремус. «Причина, по которой тебе нужно было выглядеть так, будто ты здесь».

«Джеймс и Лили не будут винить за это, не так ли?» — спросил Сириус немного сердито. — Они не...

— Не волнуйся, — прервал Гарри. «Никто об этом не узнает. Они могут заподозрить, что что-то произошло, но не узнают. Во всяком случае, не наверняка».

Лили осторожно наступила Сириусу на ноги, сохраняя неподвижное лицо, пока он морщился. — Хорошо. Как здорово, что ты вернулся, — быстро сказала она, целуя сына в щеку и резко выпрямляясь. — Но мне нужно идти спать. Спокойной ночи. Она быстро поднялась по лестнице в женское общежитие, и вскоре за ней последовала Аделина.

Когда в гостиной были только мальчики, Джеймс плюхнулся на стул напротив Гарри. — Так что вы вдвоем сделали? Вопрос был серьезным, и Гарри устало подумал, что выражение лица его отца, вероятно, было таким же, как и у него, когда он говорил о важных вещах.

— Мы собрали предметы, которые нам нужно было найти, чтобы убить Волдеморта, — устало сказал Гарри. «Мы устранили опасного противника. Мы вернулись. Конец истории».

Мародеры обменялись взглядами, затем Джеймс встал. — Так и быть, — сказал он с натянутой улыбкой. — Тогда я рад снова увидеть твою уродливую рожу.

Все пожелали спокойной ночи, затем Гарри вошел в номер, который он делил со своим лучшим другом. — Гермиона? — крикнул он, выключая свет в гостиной и направляясь в спальню. — Миона?

— Я уже в постели, — ответила она, и Гарри увидел в темноте фигуру, перевернувшуюся на кровати и включившую одну из прикроватных ламп. — Душ открыт, — сказала она, снова закутываясь в одеяла. «Поторопитесь, пожалуйста».

Гарри только усмехнулся и подошел к ней, где она лежала, каштановые кудри разметались по подушке, глаза были большими и сонными. Он нежно поцеловал ее в губы, и она подняла руку, чтобы обхватить его лицо. Отпустив ее нежные губы, он поцеловал ее в лоб, в нос, в веки, а затем снова поймал ее губы.

Какое-то время они сладко целовались, затем он отстранился, сказав ей, что любит ее, и проскользнул в душ.

Когда он прыгнул обратно в постель, прижав Гермиону к своей груди, он почувствовал ее ухмылку. «Это должен был быть самый быстрый душ за всю историю наблюдений».

Он просто поцеловал ее в макушку и пожал плечами. "Не знаю."

Извиваясь по его телу, она снова поцеловала его, позволяя своим волосам упасть на них. "Я тебя люблю."

"Я тоже тебя люблю." Это было все, что нужно было сказать, и они повернулись на бок, Гарри слегка обнял ее, и быстро заснул.

~0o0~0o0~

Утро следующего дня было томным, раннее солнце светило в окно. Гарри проснулся первым, открыв сонные зеленые глаза на мягкий свет.

Вскоре насторожившись, он не двигался, оставаясь почти неподвижным, наблюдая за спящей Гермионой. Ее лоб был гладким и спокойным, ее дыхание было ровным, ее тепло успокаивало. Ему нравилось, как она прижималась к нему так близко, как они идеально подходили друг другу. Она была так уязвима, когда спала; он мог видеть в ее лице следы Гермионы их третьего и четвертого курса.

Каково это, думал он, иметь возможность делать это каждое утро. Или проснуться от того, что она смотрит на меня? Или даже чтобы так привыкнуть к этому, мы просто встаем и идем по своим делам? Его взгляд упал на кольцо на ее нежной руке, и он почувствовал себя ближе к ней, чем когда-либо прежде.

Нежно лаская мягкую кожу ее живота, испорченную только шрамом от их пятого года, он поднял руки, чтобы обхватить ее грудь, затем снова опустил, целуя ее шею, слегка покусывая, когда она извивалась на нем.

Он видел, как ее глаза сонно открылись, а полные губы надулись. Он сопротивлялся едва ли секунду, прежде чем коснуться губ своими. Быстрый поцелуй заставил ее улыбнуться, когда она поднялась от тяжести дремоты, потягиваясь и очаровательно зевая.

"Который сейчас час?" — спросила она, более настороженно. — Надеюсь, мы не пропустили завтрак.

Он ухмыльнулся ей. — Всего девять. Он ловко пригнулся, когда она нацелила на него кулак.

"Гарри!" — воскликнула она. "Мы легли спать только восемь часов назад!" Она выглядела такой расстроенной, что ему пришлось с трудом сдерживать смех.

— Ты только что сказал, что хочешь позавтракать! — поддразнил он, а затем поцеловал ее в лоб.
— Мы можем лечь спать пораньше сегодня вечером.

Гермиона надулась, но кивнула, встала с кровати и направилась в ванную. «Хорошо. Но вы должны мне, мистер».

Его глаза проследили за ней, и она немного вздрогнула, когда они стали чуть более темного оттенка зеленого. — Я должен тебе, — пообещал он.

Быстро приняв душ, они оделись и рука об руку прошли в гостиную. Поскольку было немного рано, большинство из тех, кто встал рано, уже завтракали, а те, кто решил поспать, все еще лежали в постели. Общая комната была почти пуста, если не считать нескольких третьюкурсников в углу.

Они подошли к дивану, ближайшему к женскому общежитию, и Гарри посадил Гермиону к себе на колени. Она принесла с собой большую книгу и читала, пока он играл с ее волосами и

нежно целовал ее в шею. Вскоре Лили проснулась и появилась на лестнице в безупречной униформе, с длинными рыжими волосами, собранными в гладкий хвост.

Она помахала им, подошла и плюхнулась рядом с Гарри. — Доброе утро, — весело сказала она. — Адди выйдет через минуту.

Гарри и Гермиона обменялись взглядами. "Как она это делает?"

— Отлично, — уверенно сказала Лили. «Ей нравится учиться здесь. Почти все ее преподаватели впечатлены ею. Единственное, что делало ее несчастной, — это беспокойство за вас двоих». Лили слегка нахмурилась, наморщив лоб. «Мы все беспокоились о тебе. Ты нас сильно напугал».

— Нам очень жаль, — почти прошептала Гермиона. «Но это было важно». Она откинулась назад к Гарри, находя утешение в сильных руках, которые обнимали ее. "Очень важно."

Стук шагов на лестнице привлек их внимание к общежитию девушки. Они не очень удивились, увидев, как Аделина спускается по лестнице, счастливо улыбаясь. "Гермиона!" Сердце Гермионы тронуло то, что девушка так взволнована ее появлением, поэтому она встала и обняла гораздо более высокую девушку.

"Как дела, дорогая?" — спросила она, целуя ее в щеку. «Мне жаль, что нам с Гарри пришлось уйти так быстро».

— Я в порядке, — ответила Адди, на мгновение сверкнув глазами. «Некоторые кошмары и прочее. Но я так многому учусь!»

Гермиона была слегка потрясена, увидев жизнерадостную девушку, которая поднялась из темного места, где она сама когда-то обитала; абэт в течение гораздо более короткого времени. Женщина-ребенок, которую она встретила посреди поместья Малфоев, исчезла. Это была более или менее нормальная пятнадцатилетняя девочка, и как бы счастлива ни была Гермиона, видя ее счастливой, она знала по опыту, что, вероятно, это было не то, что девушка на самом деле чувствовала.

— Здорово, Аделина, — сказала Гермиона, глядя в влажные глаза итальянки. — Мы поговорим позже, хорошо? У меня все равно есть кое-что для тебя.

Громкие голоса на лестнице предупредили девочек и Гарри о приближающемся прибытии новых студентов. Судя по шуму, который они производили субботним утром, неудивительно, что это были Мародеры.

Утренние приветствия раздались всем вокруг, все пошли завтракать, Гарри и Гермиона расспрашивали Лили и Джеймса о прошлой неделе.

— Мы сделали что-нибудь, о чем нас могут спросить? — прошептала Гермиона. — Какие-нибудь разговоры?

— Не совсем, — ответила Лили. «Просто основное: «Привет, как дела». Было ясно, что ты все еще плохо себя чувствуешь».

— Какие-нибудь важные сплетни или информация, которую мы должны знать? — спросил Гарри.

Джеймс покачал головой. "Нет." Он сделал паузу, затем кивнул. — Да. Мм, в среду будет тест на трансфигурацию. И Уиллу нужно кое о чем поговорить с Гермионой.

Лили уставилась на своего парня. "Джеймс!"

"Какая?" Джеймс нервно смотрел на нее, прекрасно понимая, что может случиться, когда у Лили Эванс будет такое выражение лица.

Уперев руки в бока и сузив глаза, Лили выплюнула: — Ты не говорил мне, что Уилл хочет поговорить с Гермионой.

Гермиона вздохнула. «Наверное, это было хорошо. Никто не вел себя слишком странно, когда ты что-то говорил?» Она мягко улыбнулась, ловко уводя разговор от зарождающегося спора. Даже если они любили друг друга, у Лили и Джеймса было непростое начало их отношений.

Быстрое изложение того, что произошло в то время, когда они ушли, было закончено к тому времени, когда они добрались до завтрака. Гарри и Гермиона переглянулись и рассмеялись, садясь на свои места.

Джеймс вздохнул. «И рутина Призрачного завтрака возвращается», — сказал он, слегка поморщившись. «Мы с Лили не могли этого сделать. Мы пытались, но...»

— Мы потерпели неудачу, — прямо сказала Лили. «Ужасно».

— Ты с треском провалился в Большом Зале? — обеспокоенно спросил Гарри. Если бы кто-то заметил, ну, это могло бы быть плохо.

Джеймс покачал головой. «Мы не идиоты. Сначала мы пытались потренироваться».

Завтрак прошел гладко, Джеймса и Лили поздравили с выздоровлением. Алиса и Мэри были особенно рады возвращению Лили, обеим не нравилась высокая итальянка, недавно приехавшая в Хогвартс.

Но внимание Лили привлек шестой год, который был частью маленькой клики Аманды. Эта девушка была высокой и белой, и имела репутацию чистильщика крови. Хотя она была на Гриффиндоре — нетрудно было заметить, что она могла врываться в ситуации, которые не имели к ней никакого отношения, и выходить победителем. Она остановилась у их части стола, чтобы увидеть Лили, которая жеманно улыбалась, хихикала и бросала взгляды на то место, где Аделина ела и шутила с Сириусом.

— Она такая же плохая, как и Гермиона, когда пришла, — ехидно сказала Агнес. «Всегда кричит во сне. Мы слышим ее из соседней комнаты. Если ей снятся плохие сны, ей действительно нужно немного поспать без сновидений или что-то в этом роде.

Лили на мгновение уставилась на черноволосую девушку. — Агнес, — сказала она с напряженным спокойствием в голосе, — скажи мне, что ты только что этого не говорила.

Гермиона слушала с восторженным вниманием, сжимая руку Гарри болезненной мертвой хваткой. Она тоже боролась с гневом.

Агнес содрогнулась от ярости зеленых глаз Лили. — Лили! Ей всего пятнадцать! Какой она должна быть...

— Много, — спокойно сказала Гермиона. — Многое, о чем ты не знаешь. Кое-что, о чем ты не можешь знать. И кое-что, о чем ты можешь узнать за несколько часов до своей смерти.

Агнес отпрянула, испугавшись ярости, которую она вообразила в голосе Гермионы. — Прости, — сказала она дрожащим голосом. "Это просто-

— Ты девушка, — язвительно выплюнула Гермиона. «Ты не знаешь. Вот так просто. Невежество».

Гарри, который тщательно изображал незаинтересованность, взглянул на Агнес. — Агата, верно? — спросил он и, не останавливаясь, чтобы она поправила его, продолжал. «Если вам не нравится шум, купите беруши. Конец истории». Он встал, не отпуская руки Гермионы.

— Готова, любовь? — спросил он, по-видимому, игнорируя Агнес. «Я считаю, что мы должны отправиться на трансфигурацию сейчас, если мы хотим быть пораньше».

Остальные Мародеры последовали примеру Гарри и встали из-за стола. Они забросили Аделину на уроки Чар, а потом отправились на Трансфигурацию. Гермиона отпустила Гарри и отошла, чтобы поговорить с Лили.

— Как она на самом деле? — тихо спросила Гермиона. — Кричать во сне? Она казалась недоверчивой, и это было правильно. Менее часа назад Лили сказала ей, что с Адди все в порядке.

Мальчики перед ними внимательно следили за разговором, все время пытаясь создать впечатление, будто они делают что угодно, только не это. Однако Гермиона заметила, что громкость их шуток уменьшилась, и все они выглядели так, будто концентрировались изо всех сил.

Лили покраснела от стыда. - Я не хотел тебя беспокоить... или заставлять чувствовать себя виноватым за то, что ты ушел...

— Ты прав, — признала Гермиона. — Я бы волновался и чувствовал себя виноватым. Но ты должен был сказать мне.

— Верно, но... — Лили замолчала, и на ее лице мелькнуло твердое выражение, а затем исчезло.
— Ничего. Ты прав.

Любознательная натура взяла верх, и Гермиона надавила сильнее. — Но что, Лили? Напряжение между двумя девушками было сильным, и Гермиона обнаружила, что осторожно перебирает свою палочку. Время, которое она провела наедине с Гарри, ведя себя так, как будто они были в свое время, вернуло боевые инстинкты, которые она позволила себе отодвинуть на задний план.

Рыжая все еще колебалась, и мальчики тоже замедлились, теперь явно прислушиваясь. Лили собрала с духом и заговорила: «Ты не останешься здесь навсегда, Гермиона. Ты вернешься в свое время. Адди не твоя ответственность. Ты не можешь взять ее с собой». Она пыталась быть как можно мягче в своих резких словах, в ее зеленых глазах читалась жалость.

— Значит, я не могу позволить себе слишком привязаться? — яростно сказала Гермиона. «Или все наоборот? Она не может узнать меня слишком хорошо, потому что я собираюсь уйти?»

"Нет!" - возмутилась Лили. — Гермиона, не перевирай мои слова! Они были уже почти в классе Трансфигурации, и девочки могли видеть, что за дверью МакГонагалл ждало много людей.

Лицо Гермионы стало сдержанным, черты казались вырезанными из льда. — Мы можем закончить обсуждение этого позже, — сказала она, взгляд ее был твердым и холодным.
"Согласовано?"

"Гермиона-"

— Это приемлемо или нет? — холодно сказала Гермиона. Лили была выбита из равновесия, ведь она никогда раньше не видела Гермиону такой.

— Э-э, хорошо, — сказала Лили, беспомощно наблюдая, как Гермиона ворвалась в класс, двигаясь мощно и грациозно. Ее лицо было маской, и она крутила палочку в пальцах, тонкая палочка испускала гневные красные искры.

Гарри подошел к ней с мягким взглядом. — Не волнуйся, Лили. Дай ей время подумать. Она знает, что ты права. Она просто не хочет этого признавать. Гермиона ненавидит ошибаться.

— Я знала это, — сказала Лили с болью в голосе. «Я просто не знал, что она становится такой, такой, такой холодной». Лили слегка вздрогнула, обхватив себя руками. «Я ее лучший друг».

— И ты сделал ей больно, — задумчиво ответил Ремус. «Вы заставили ее столкнуться с тем, с чем она не хочет сталкиваться».

Джеймс обнял свою девушку. — Все в порядке, Лили Флауэр. Гермиона не из тех, кто вечно злится.

Гарри вздрогнул от этого. «Я видел ее такой всего несколько раз. Гермиона действительно любит вас, ребята. Всех вас. Но Адди — это личное. Очень личное. бороться до последнего вдоха».

— Она хочет защитить всех, — грустно сказала Лили. — Мне нужно поговорить с ней.

— Сначала дай ей немного остыть, — посоветовал Гарри. «Сейчас она чувствует холодный гнев. Понаблюдайте за ней на уроке, она будет работать изо всех сил. Потом она все обдумает и немного успокоится. И тогда она просто почувствует себя виноватой».

— Хорошо, — кивнула Лили и направилась к классу Трансфигурации. Группа вошла, Гарри разделился, чтобы присоединиться к своей невесте за ее столиком.

Гермиона сидела, выпрямив спину, глаза смотрели куда-то в пространство перед ней. Когда Гарри положил руку ей на плечо, ее голова резко повернулась к его лицу, не делая никаких других движений. Ее зрачки сузились, и она часто дышала.

— Миона, любовь моя, — сказал он своим лучшим успокаивающим голосом. "Лили-"

— Позже, Гарри. Она резко прервала его, прерывающимся голосом. «Профессор МакГонагалл начинает».

Он только вздохнул и попытался взять ее руку под столом. Он старался не допустить, чтобы ему было больно, когда она убрала руку, зная, что сейчас она недостижима.

Все, что она делала, это пыталась помочь и защитить девушку, которая прошла через ад. Однако Гермионе никогда не удавалось распознать свои ограничения. Третий год был хорошим примером. Она не хотела признавать, что не может справиться с нагрузкой в классе, и ей понадобился год и почти смертельный опыт с оборотнем, чтобы сдать. Теперь это было то же самое, но это причинило бы боль большему количеству людей, чем только она сама, если бы она не пыталась смириться с тем, что они уезжают.

Гарри не хотел, чтобы она полностью дистанцировалась от Аделины, конечно, нет. Но Гермионе нужно было подготовить Адди к тому дню, когда Гермионы уже не будет рядом. И Лили была права в том, что Гермиона не могла взять Адди с собой. Он знал, что Гермиона чувствовала ответственность за Адди, переживая за нее, как новый родитель на работе в первый день в детском саду.

Его мысли вернулись к настоящему, когда МакГонагалл раздавала камни, которые они должны были трансфигурировать в черепахи.

"Начинать!" — объявил шотландский профессор. МакГонагалл начала ходить вдоль рядов, наблюдая за попытками превратить бессмысленный камень в настоящую черепаху.

«Этот год — ваш последний шанс подготовиться к ТРИТОНу. Успех на этих экзаменах в основном зависит от вашей трудовой этики. Но по Трансфигурации ваш проходной балл зависит от вашей способности превращать живые существа в неживые, а неживые — в живые». МакГонагалл прервала свою лекцию, потрясенно глядя на Гермиону. «Поздравляю, мисс Грейнджер, с вашей невербальной трансфигурацией. Посмотрите, класс, как панцирь ее черепахи не похож на образец камня, с которого она начинала. Вы практиковали это заклинание раньше, мисс Грейнджер?»

Гермиона покачала головой. — Нет, профессор.

Брови МакГонагалл удивленно приподнялись. «Ну. Пятнадцать баллов Гриффиндору за то, что он первым выучил заклинание и успешно его произнес. Еще пять баллов за невербальное произнесение».

МакГонагалл продолжила лекцию, наблюдая, как все больше и больше людей терпят неудачу в заклинании. В отличие от большинства дней, Гермиона не ходила по классу, предлагая любую помощь, которую могла оказать. Вместо этого она осталась за своим столом, внося мелкие изменения в свою черепаху.

Гарри, со своей стороны, боролся с частью визуализации Трансфигурации. Движения волшебной палочки были трудными, а слова порой трудными для произношения, но самой трудной частью было представление твердого, неподвижного камня, превращающегося в живую, дышащую черепаху.

Обычно Гермиона могла помочь ему с визуализацией, но, похоже, в данный момент она не хотела с ним разговаривать. Гарри еще некоторое время боролся, пока, наконец, не добился заклинания. Как и Гермиона, он обнаружил, что трансфигурация — единственный предмет, на котором он узнает что-то новое. Это объясняло его борьбу, и он обнаружил, что часто заканчивал раньше. Сегодня, рассеянный и взволнованный, он закончил всего за пятнадцать минут до конца урока.

Заклинания передавались почти таким же образом: Гермиона демонстрировала огромную силу своего разума, когда заставляла себя чрезвычайно сосредоточиться на чем-либо.

Со своей стороны, Гермионе стало холодно. Просто холодно. Она не хотела тепла. Она хотела холода. Холод помогал ей думать. Она могла чувствовать быстрый прилив магии, исходящей из области вокруг ее сердца. Ей не нужно было думать о разговоре с Лили.

Конечно, она все равно это сделала. Она любила этих людей. А она уже столько потеряла. Она хотела остаться в этом измерении.

Но, с другой стороны, ей хотелось — да и не нужно было — вернуться домой. Ей очень хотелось увидеть своих родителей, увидеть Луну, Невилла и Рона. Даже если он стал невыносимым, слишком много ел и грубил, они дружили с тех пор, как ей исполнилось одиннадцать. Он был похож на надоедливого младшего брата — того, кто может быть вредителем в одну минуту, тем, кто может быть милым, если захочет. Она скучала по своей семье. Ее друзья.

Но здесь она была счастлива. Приближалась война, но у нее был Гарри. Она любила Гарри. Еще одна вещь, которая ее беспокоила, это то, как она относилась к Гарри. Ей хотелось взять его руку, погладить его кожу, пройти по коридорам, обнимая ее за плечи.

Но она этого не сделала. Ей было страшно, тревожно, стыдно, и ей хотелось быть и одной, и с Гарри. Властвовала привычка — в прошлом, когда она так себя чувствовала, она выбирала одиночество. Но на этот раз это не сработало.

Она знала, что Гарри наблюдал за ней на протяжении всего урока Заклинаний, наблюдая за четкими, мощными движениями палочки. Ей нравилось истощать свою магию, применяя чары молча, а затем без палочки. Им обоим потребовалось больше усилий, но она чувствовала себя такой сильной — слишком сильной — и ей нужно было что-то сделать, чтобы это стало лучше.

Заклинания закончились, и Гермиона выбежала за дверь, направляясь к Комнате Требований. Она чувствовала острую потребность высвободить свою магию. Она злилась, и грустила, и злилась на себя и на Лили за то, что она указала на то, чего она избегала.

Гарри знал, куда она идет. У них был свободный период до обеда, и если он вообще знал Гермиону, она отправилась в Комнату Требований, чтобы выпустить пар в прямом и переносном смысле.

Лили отвлекалась на уроках, и она успевала хуже, чем обычно, и в результате у нее была домашняя работа. Однако она не могла заставить себя заботиться.

Теперь она действительно думала о том, что сказала, и о том, что это значило для нее. Гермиона была одной из ее лучших подруг, и это была отличная дружба, учитывая, что она едва знала девушку. Лили полностью осознавала, что у Гермионы были проблемы — у любого нормального человека были бы проблемы, если бы он прошел через то, через что прошла Гермиона.

Гермиона ненавидела быть слабой. И она ненавидела видеть своих друзей обиженными. Это

означало, что она чувствовала, что должна помогать всем, делать все возможное, чтобы заботиться о них и защищать их от всего, что может осмелиться попытаться причинить им вред. У Гермионы было ограниченное время, чтобы защитить ее, Мародеров и людей этого измерения от ужаса, которым станет Волан-де-Морт. Либо она и Гарри добьются успеха, либо проиграют. И скоро они уйдут.

Гермиона уйдет. Гарри уйдет. Они больше никогда их не увидят. Лили знала, что шансы на то, что она и Джеймс снова забеременеют от Гарри, будут ничтожными — почти нулевыми из-за всех изменений, которые были внесены в временную шкалу.

Но у Гермионы все еще были хорошие шансы родиться в этом измерении. Будет ли она когда-нибудь полноценной без своего Гарри? Размышления Лили задавались вопросом. Встречусь ли я с ней? Станет ли она лучшим другом моего сына?

Гарри она любила как смесь друга, младшего брата и сына. Но была и та его часть, что была и в Гермионе, — ощущение, что они намного старше, чем кажутся.

Она будет очень скучать по Гермионе. Она знала, что мальчики будут скучать по своей властной гриффиндорской девочке, приземлившейся в траву недалеко от озера в один октябрьский день.

Лили несколько раз перечитывала один и тот же отрывок в своей книге. Она подняла голову и прочистила забитую голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как Гарри выходит из гостиной.

"Куда он идет?" — спросила она Сириуса, который смотрел на портретную дыру, которую только что освободил Гарри.

— За Гермионой, — ответил Сириус, вертя палочку в пальцах. "Лили?"

"Да", сказала она, мысли за миллион миль.

Сириус слегка покраснел. — Как ты думаешь, я нравлюсь Адди?

<http://tl.rulate.ru/book/79341/2397831>